

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-166-193>
<https://elibrary.ru/BIXGBC>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2022. **О. Л. Фетисенко**
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

К истории очерка Ивана Щеглова (И. Л. Леонтьева) «У отца Иоанна Кронштадтского»

Аннотация: В статье впервые на основе материалов дневников И. Л. Леонтьева (Ивана Щеглова) и его переписки с С. А. Рачинским, В. П. Горленко, М. О. Меньшиковым и священ. И. И. Фуделем реконструируется творческая история мемуарного очерка «У отца Иоанна Кронштадтского», вышедшего в свет при жизни всероссийского пастыря, в 1892 г. Работа над этим произведением пришлась на время духовного перелома в жизни «тоскующего юмориста» (так назвал Щеглова критик А. А. Измайлов) и шла параллельно с завершением повести, обличающей толстовство («Около истины»), и созданием повести о «психопатическом времени» («Убыль души»). Задуманный как рядовая статья для рождественского номера газеты «Новое время» очерк вырос и в объеме, и в смысловой наполненности, был опубликован в сборнике журнала «Нива», а затем вышел отдельным изданием. Одним из толчков к усложнению замысла было появление повести Н. С. Лескова «Полунощники», остро критичной по отношению к о. Иоанну и его почитателям. Не входя в открытую полемику с Лесковым, Щеглов в своем произведении стремится показать образ своего святого современника «во всем его героическом величии».

Ключевые слова: И. Л. Леонтьев (И. Щеглов), св. праведный Иоанн Кронштадтский, С. А. Рачинский, Н. С. Лесков, письма, дневник, творческая история, архивные материалы.

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 17.12.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 11.02.2022

Дата публикации статьи: 25.06.2022

Для цитирования: Фетисенко О. Л. К истории очерка Ивана Щеглова (И. Л. Леонтьева) «У отца Иоанна Кронштадтского» // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 2. С. 166–193. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-166-193>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 2, 2022, pp. 166–193. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 2, 2022, pp. 166–193. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. **Olga L. Fetisenko**
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

On the History of the Essay “Visiting Father John of Kronstadt” by Ivan Shcheglov (I. L. Leontiev)

Abstract: The article reconstructs for the first time the creative history of the memoir essay *Visiting Father John of Kronstadt* by Ivan L. Leontiev (Ivan Shcheglov) on the basis of the author’s diaries and his correspondence with Sergey A. Rachinsky, Vasily P. Gorlenko, Mikhail O. Menshikov and Priest Iosif Fudel. The essay was published for the first time in 1892, during the revered canonized churchman’s lifetime. The work on this essay coincided with the time of a fundamental spiritual change in the life of a “depressed humorist” (as Ivan Shcheglov was labelled by the critic Alexey A. Izmailov) and was underway in parallel to the completion of a story denouncing Leo Tolstoy’s ideology and the Tolstoyan movement (*Around the Truth*) and the creation of a story about “psychopathic times” (*The Soul on the Wane*). Conceived as an ordinary article for the Christmas issue of the *Novoe Vremia* newspaper, the essay grew both in size and content and was published in the *Niva* magazine’s book of collected stories and articles, which was followed by a separate edition. An impetus for making the concept more elaborate was the publication of Nikolay Leskov’s story *Midnight People*, which contained sharp criticism of Father John and his trustees. Abstaining from an open debate with Leskov, Ivan Shcheglov sought to treat the figure of his holy contemporary “with heroic grandeur.”

Keywords: Ivan Shcheglov (I. L. Leontiev), st. John of Kronstadt, S. A. Rachinsky, N. S. Leskov, letters, memoirs, diary, archive fund.

Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, nab. Makarova 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Received: December 17, 2021

Approved after reviewing: February 11, 2022

Published: June 25, 2022

For citation: Fetisenko, O. L. “On the History of the Essay ‘Visiting Father John of Kronstadt’ by Ivan Shcheglov (I. L. Leontiev).” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 2, 2022, pp. 166–193. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-166-193>

«Трудно подыскать, трудно сочинить более печальную жизнь, чем была у этого милого юмориста, — писал о прозаике, драматурге и театрологии народного театра, приятеле А. П. Чехова Иване Леонтьевиче Леонтьеве (1856–1911) хорошо его знавший современник, критик “нововременец”. — <...> Щеглов¹ был литератор с головы до ног, но не крупный. <...> Щеглова на моих глазах всегда тянуло к серьезной и возвышенной литературе <...>. На моей памяти он чрезвычайно увлекался своим знаменитым тезкой — Константином Леонтьевым, затем Страховым, затем Рачинским — всё писатели правого и очень серьезного направления. Но жизнь толкала его писать шуточные рассказы, комедии и водевили» [Меньшиков: 4]. Эта оценка относится ко второй половине жизни писателя, началом которой можно признать время создания первых серьезных повестей «Около истины» и «Убыль души», в которых он рисует свою эпоху как «психопатическое время» и решается начать борьбу с таким влиятельным общественным движением, как толстовство.

Духовное преображение Щеглова произошло во время предпринятого им в 1891 г. большого путешествия по России². Недовольный собой и уставший от столичных «журфиксов», 24 мая он отправился, по его собственному выражению в дневнике, в «поиски за истиной»³,

¹ Псевдонимом «Иван Щеглов» И. Л. Леонтьев начал пользоваться с 1881 г., а первые его рассказы были опубликованы в 1875 г. Псевдоним настолько «прирос» к писателю, что его крайне редко называют Леонтьевым, встречаются формы «Леонтьев-Щеглов», «Щеглов-Леонтьев», «Леонтьев (Щеглов)». Будем далее в статье пользоваться краткой формой — только псевдонимом. О Щеглове см.: [Битюгова; Глинский; Дризен; Измайлов; Катаев, по указателю].

² Об этом см.: [Фетисенко 2012: 667–691; Фетисенко 2014].

³ РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 1418. Л. 59.

желая обрести новый жизненный настрой — как «фонарь Диогена»¹. При этом областью его поисков оказывались то высокое искусство, то православная вера, живых носителей которой он нашел в оптинском старце Амвросии, а также в К. Н. Леонтьеве и знаменитом создателе народной школы С. А. Рачинском. Планировалась и поездка в Ясную Поляну, для чего Щеглов хотел заручиться рекомендацией В. Г. Чертова (что ему и удалось), но пребывание в Оптиной пустыни и Татеве перечеркнуло намерение познакомиться с Л. Н. Толстым².

Странствовал он до конца июля и вернулся в Петербург обновленным, хотя и не находящим в себе нужной степени решимости к полной перемене жизни (а во время поездки не раз подумывал о том, чтобы поселиться в каком-нибудь «заглушном монастыре»). Одной из первых задач, которые Щеглов себе поставил по возвращении, было — встретиться с чудотворцем, «всероссийским батюшкой», о. Иоанном Кронштадтским, и написать о нем. О том, как осуществлялся замысел, постараемся рассказать в этой статье.

Первое упоминание в дневнике об о. Иоанне сделано Щегловым во время поездки, но еще до посещения Оптиной пустыни, — после разговоров с его приятелем, украинским писателем, критиком и этнографом Василием Петровичем Горленко (1853–1907; родственник святителя Иоасафа Белгородского); в его имени Ярошевка Иван Леонтьевич

¹ «Ошибка нынешних писателей: ждут наблюдений, сюжетов, а надо строения искать, освещения: не людей искать, а найти *фонарь Диогена*, с которым искать. Фонаря не имеют, а ищут в темноте чего-то» (Там же. Л. 61 об.). Здесь и далее курсивом переданы подчеркивания в автографе.

² Уже по возвращении домой, 9 августа, Щеглов писал С. А. Рачинскому: «Между прочим в Москве, среди многих писем, нашел два рекомендательных письма к Л. Толстому, где в одном говорилось, что он обо мне предупрежден, и даже особенно расположен после прочтения «Первого Сражения» и т. д. Но сердце не лакей, чтобы ему приказывать, и я оба рекомендательных письма спрятал... до более подходящей минуты. — Сначала надо съездить к отцу Иоанну. — Не так ли?» (ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 59. Л. 140–140 об.). Татевский учитель 17 августа отвечал: «Совершенно естественно, что в настоящем Вашем настроении Вас более тянет к О. Иоанну, чем к Толстому. Последний от Вас не уйдет. Прежде чем вступить с ним в сношения, Вам полезно прийти в состояние духа, более спокойное и ясное» (РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 989а. Л. 7–7 об.; подчеркивание сделано Щегловым карандашом).

гостил 29 мая – 13 июня. Вот эта запись, фиксирующая, вероятно, первый момент возникновения замысла:

«Несообразность монастырей в городе: — единственный смысл заглушного монастыря. *Современность* отца Иоанна. (Портрет для толст<ого> журнала)»¹.

В Оптиной пустыни петербуржец разговаривает о кронштадтском пастыре с монахами, от одного слышит рассказ о чудесах, свидетелем которых тот был², другому обещает послать книгу (возможно, «Моя жизнь во Христе»): «Популярность отца Иоанна. (*Книгу Монаху Корнилию*)»³. Среди подробных записей бесед с К. Н. Леонтьевым встречаем конспективное указание на рассказ Щеглова «оптинскому отшельнику» о том, как к больному М. Е. Салтыкову вызвали о. Иоанна:

«1) Рассказ К<онстантину> Н<иколаевич>у. Щедрин и о. Иоан<н>. (Позовите — студ<енты> будут зубоскалить)»⁴.

Прощаясь со старцем Амвросием, Щеглов, видимо, еще мало представляя себе образ жизни о. Иоанна, попросил благословения окормляться в столице у него, на что получил ответ:

«Отец Иоанн очень занят — обратитесь в Петербурге, к Отцу *Алексею Колоколову*, что в *Георгиевской Общине* (*Исповедывайтесь всегда у него*)»⁵.

Около 19 июля Щеглов делает в дневнике запись, ставя себе задачу, где нужно побывать:

¹ РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 1419. Ч. 1. Л. 4.

² «Отец *Георгий* (обращ<ен> о. Иоанном)» (Там же. Л. 28). «*Отец Георгий*. Блудный был, неверящий, а теперь обратился, через отца Иоанна. Теперь вот я какой: рука с вилкой занемет, ежели вижу на тарелке говядину. <...> Свидетель воскресенья из мертвых о. Иоанном жены. («Здравствуй Катерина!») и слепого исцелил. (Вымыл глаза святой водой и отер полотенцем)» (Там же. Л. 30).

³ Там же. Л. 16 об. Ср. там же: «4) Монаху *Корнилию* о. Иоанн». (Л. 28).

⁴ Там же. Л. 19 об.

⁵ Там же. Л. 22. Духовным сыном известного проповедника и благодетеля прот. Алексея Колоколова (1836–1902) был, между прочим, государственный контролер Т. И. Филиппов, имевший тесные связи и с оптинскими старцами. См. об этом: [Фетисенко 2009].

«В Петербурге»

- 1) А<лександр>-Невская Лавра.
- 2) Митрофань<евское> кладб<ище>¹.
- 3) Иоанн Кронштадтский»².

Но столичная суета и накопившиеся за время поездки дела помешали сразу исполнить намеченное. В Кронштадте И. Л. Леонтьев побывает 28–29 августа 1891 г., ровно через месяц после приезда из Оптиной пустыни и Шамордина. Там он застанет праздничную службу в день Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. Надо сказать, что с именем этого святого (а это был небесный покровитель писателя, родившегося в Крещенский сочельник и празднующего именины в день Собора св. Иоанна Предтечи) оказался связан и приезд в Оптину: туда Щеглов попал под праздник Крестителява Рождества — престольный в Оптинском скиту, о чем путешественник, подъезжая к монастырю, еще не знал.

К сожалению, первая запись о паломничестве в Кронштадт краткая и в основном касается предпринятых расходов.

«25-ое авг<уста>. Народное гулянье. Обдумка “Убыли Души”³. <...> 28–29 августа 91 г. У Отца Иоанна, в Кронштадте... Уже одно счастье — быть современником такого человека, — это лучшее украшение царствования Александра III. (Василий Малафеев, с пароходного завода⁴) Пароход отходит в 3 часа. — В 4 ¹/₅ — в Кронштадте. — (30 к<оп.> 2 кл<асс>) “Кукушка”⁵ — до Андреевского собора, кв<артира> вдовы Устины Михайловой. (3 р.) Андреевская ул., д. Мурашиной, 10, кв. 3.

¹ На этом кладбище находилась чтимая петербуржцами могила странника Александра. Щеглов побывает здесь 7 августа 1891 г., оставит подробную запись в дневнике и расскажет о своих впечатлениях в письме к Рачинскому от 9 августа.

² РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 1419. Ч. 1. Л. 56 об.

³ Повесть, которая впервые будет опубликована в «Русском обозрении» (1892. Т. 6. Декабрь. С. 479–547).

⁴ Щеглов записал имя своего спутника по отходящему от Ораниенбаума пароходу. Не исключено, что В. Малафееву и принадлежали приведенные тут же выше слова.

⁵ Поезд-«подкидыш», состоящий из одного или нескольких вагонов. Собственно, кукушкой, по характерному свистку, называли везущий его паровоз.

До Ораниенбаума — 15 коп. / От Ор<аниенбаума> — до Петербурга — 55 коп. / (Пять рублей)»¹.

Запись о «содержательной» части путешествия появится через некоторое время, уже в сентябре. Щеглов старается сохранить в дневнике только живую речь батюшки, в остальном полагаясь на свою цепкую память журналиста:

«Сентябрь.

(29 августа² (день усек<новения> гл<авы> Иоанна Предтечи.) в 1 ½ имел беседу с о. Иоанном³.

1) “Вот видишь ли, сын мой, мне мало понятна твоя тоска и сомнения — я с детства воспитан в истой вере и твердо шел прямо, не колеблясь ни мгновения!..”

2) “Радуюсь за тебя, сын мой, радуюсь!”⁴

3) “Ну, спасибо, голубчик, за доверие, спасибо!!.” Я поцеловал отца И<оанна>. О, никогда до Гроба не забуду ни звука его голоса, ни его глаз в эту минуту!! Благословение и просфора жене. —)

Деньги отказался взять!»⁵

3 сентября Щеглов сообщал С. А. Рачинскому:⁶

«...я был в Кронштадте у о. Иоанна и, ошеломленный всем виденным, целую неделю не мог ни о чем другом мыслить. Это целое событие в моей жизни, громадное и решающее, окончательно примиряющее

¹ РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 1418. Л. 63 ОБ.

² Подчеркивание сделано позднее карандашом.

³ Согласно повествованию в очерке, сначала Щеглов видел батюшку в храме во время службы, а беседа состоялась на квартире, где останавливались паломники.

⁴ По-видимому, эти слова были вызваны рассказом Щеглова о пережитом им духовном обращении и намерении служить Богу своим пером. Предположить это позволяют записи о двух его беседах со св. Амвросием Оптинским.

⁵ Там же. Л. 64. Последняя фраза приписана справа на полях.

⁶ Свое путешествие «в поисках за истиной» Щеглов намеревался начать со знакомства с Татевской школой знаменитого народного педагога, о чем просил его в письме от 10 мая. Рачинский объяснил, что у него смертельно больна мать, и попросил отложить, но не отменять визит. Поэтому Щеглову пришлось изменить маршрут своего путешествия и приехать в Татеву уже после Оптиной пустыни. Переписка с Рачинским поддерживалась затем до 1900 г.

меня с Петербургом и благодатно венчающее переживаемый мной душевный перелом. Но ежели бы я о нем сказал Вам два слова — я бы Вам ничего не сказал, ибо тут надо большое, большое письмо или, может быть, целая статья, потому что — как я теперь убедился — настоящего живого слова об отце Иоанне до сих пор не было сказано. Что бы Вы сказали, дорогой, ежели бы такая статья — была бы *первой* моей работой в моем новом настроении. — Ободрите меня и отпишите, насколько Вы находите уместным появление такого искреннего очерка на страницах газеты?!..»¹

13 сентября Рачинский ответит одобрительно:

«Дорогой Иван Леонтьевич,

Конечно — вся Россия будет Вам благодарна за живой литературный портрет О. Иоанна. Но как отнесется к этому сам О. Иоанн? Тут нужно прежде всего — *его* благословение....

Нельзя достаточно прославлять личности, подобные О. Иоанну, составляющие наше утешение и поддержку среди современного безлюбия и безверия»².

Но Щеглов вовсе не планировал в ближайшее время снова отправляться в Кронштадт. Еще до получения письма Рачинского, вскоре после 15 сентября (датируем по упоминанию о получении известия о смерти И. А. Гончарова), Щеглов перечисляет в дневнике свои «проекты» (таково заглавие записи), ставя задуманный очерк на первое место и предназначая его для самой крупной столичной газеты:

«1. [У отца Иоанна.] Н<овое> В<ремя>. Рожд<ественский> н<омер>.

2. [Убыль души] <...>»³.

А 24 сентября он отвечал Рачинскому: «Что до повествования об отце Иоанне — то не только не дано благословения, но надо увидеть его еще, и еще... что не так легко, несмотря на сравнительную близость Кронштадта»⁴. Из Татеева пришел совет: «Старайтесь видать как можно

¹ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 60. Л. 8–8 об.; начало цитаты впервые приводилось: [Фетисенко 2021: 671–672].

² РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 989 а. Л. 19.

³ Там же. 1418. Л. 66 об. Подчеркивание карандашом сделано позднее, как и вычеркивание названий — уже по исполнению замыслов.

⁴ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 60. Л. 68.

чаще О. Иоанна»¹. Из-за сложных семейных обстоятельств в следующий раз Щеглов писал в Татеве только 25 октября и так откликнулся на приведенные выше слова учителя:

Вы пишете, дорогой, — «старайтесь видеть, как можно чаще, о. Иоанна». — О, в этом есть своя, опасная сторона, в частом приближении, в прикосновении к высшим вопросам человеческого духа. Тайная склонность к монастырю во мне давно жила, и — боюсь — как бы «эти вопросы» не смыли с песка моей постоянной жизни все текущие интересы. — Что ж тогда? И теперь мне подчас невыносимо тяжело жить и действовать в онемеченном кругу — а ведь надо и жить, и действовать, и — прежде всего — *зарабатывать*?! Вот, например, моя анти-толстовская повесть. — Она, пополам с грехом, окончена, но — в моем настоящем настроении — она для меня как-то вдруг потускнела, и я медлю ее печатанием. А печатать *нужно*, и она, разумеется, будет вскоре напечатана, несмотря на сжигающие меня сомнения и колебания. — Без колебания, но с невольным сознанием моих слабых сил, приступлю, при первом душевном досуге, к описанию поездки в Кронштадт, к отцу Иоанну. — Еще несколько ободрительных слов с Вашей стороны, в этом случае, были бы далеко не лишние. При описании становлюсь на точку самого заурядного корреспондента... потому что, при своей святой скромности, Отец Иоанн никогда бы не дал на это своего благословения².

Мудрый татевский учитель в письме от 31 октября дал замечательные советы:

...Вы — человек женатый <...> Вашим идеалом не может быть монашество, а должна быть христианская жизнь в миру, *одним из* элементов которой является *неустанный труд в области, указанной Богом*. Для Вас эта область — литература. Вы несколько не обязаны делать ее орудием христианской пропаганды. Только *будьте* христианином, и тонкое благоухание Вашего внутреннего мира мало-помалу проникнет в Ваши писания...³.

¹ РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 989 а. Л. 22 об. (письмо от 3 октября 1891 г.). Эти слова Щеглов подчеркнул в письме карандашом.

² ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 60. Л. 179–180.

³ РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 989 а. Л. 23–23 об.

Откликаясь же на слова об избираемой Щегловым для своего очерка точке зрения «заурядного корреспондента», Рачинский заключал, одобряя эту идею:

Вижу из Вашего письма, что Вам просится под перо описание Вашего свидания с О. Иоанном. В таком случае опишите бесхитростно то, что Вы видели и испытали. Рассказ выйдет несомненно правдивый и для многих исполненный глубокого интереса¹.

Не успело это письмо прийти в Петербург, как настало 1 ноября — день выхода в свет очередной книжки либерального столичного журнала «Вестник Европы». В ней было помещено начало повести Н. С. Лескова «Полунощники», на страницах которой читатели легко узнавали и о. Иоанна, и его почитателей, кронштадских паломников. Уже 6 ноября Щеглов писал Рачинскому:

... вот, на днях же, я перелистал в Библиотеке ноябрь Вест<ника> Европы и сердце мое сжалось: я угадал (и мне потом подсказали еще) в «Ажидации»² злобно-вычурное глумление над поклонением Отцу Иоанну в Кронштадте. — У меня не хватило духу перечесть всю статью Лескова, и я ее прочту, когда окончу мое восхищение кронштад<t>ским героем — а я за него примусь тотчас же по завершении некоторых срочных и иных мелких хлопот, которых мне не занимать стать³.

¹ Там же. Л. 24–24 об. (письмо от 31 октября 1891 г.).

² Так в повести Лескова названо одно из «убежищ» для паломников в Кронштадте. Словечко в духе его «кувырколлегий» и «буреметров».

³ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 61. Л. 30 об. 13 ноября Рачинский ответит на этот рассказ: «С усилием прочел огорчившую Вас статью Лескова. Эта робкая попытка бросить тень на О. Иоанна сама себя осуждает своею трусливостью и вычурностью. И какое невыносимое кривляние языка и мысли! А ведь у этого человека *была* искра истинного таланта!» (РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 989 а. Л. 25 об.; подчеркнуто карандашом Щегловым). Лесковский сюжет получит продолжение в письме Щеглова от 13 декабря: «Лесков закончил свою жалкую иронию на о. Иоанна в В<естнике> Европы... и с выходом статьи *сильно* занемог. Вот было бы высшее терпение, ежели бы (как Щедрину) пришлось бы позвать осмеянного им о. Иоанна?! О, лжесловесники!...» (ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 61. Л. 183).

В том же месяце Щеглов познакомился еще с одним произведением, среди героев которого, под именем о. Виссариона представал о. Иоанн. 18 ноября он записал в дневнике:

С усилием прочел в ноябре Сев<ерного> Ве<стника> повесть Ясинского «Новая жизнь» (И<ероним> И<еронимович> говорит, что он изобразил самого Толстого.) Ужасно отрывочно и силуэтно, точно написано бледным карандашом, который еще не *обведен чернилами*, — точно та волшебная бумажка, буквы на которой выступают лишь через огонь. А огня, увы, нет!.. Тут и отец Иоанн, о. Виссарион, и отцы и дети — «всё коли нет обмана»!¹

В ноябре Щеглов дает другому своему наставнику, Н. Н. Страхову, на прочтение почти законченную повесть «Около истины», а у Рачинского в письме от 20 ноября испрашивает разрешения посвятить ему всё еще не начатый, а лишь обдумываемый очерк:

Еще одна просьба, очень усердная и настойчивая! — Разрешите мне *посвятить* Вам «очерк об о. Иоанне», ежели он мне удастся. Мне это *душевно* нужно. В этой счастливой надежде, я и приступлю к нему, как только разделаюсь с хлопотами <о> моей повести².

«Татевский отшельник» в ответном письме от 30 ноября «от души» поблагодарит³, и в результате очерк будет не просто посвящен Рачинскому, но и начат как письмо ему: «Мне хочется рассказать вам о моей поездке с наимельчайшими подробностями» [Щеглов 1892: 144] (во 2-м издании посвящение по неясным причинам будет снято).

20 декабря Щеглов сообщил, что «статья об о. Иоанне», наконец, «сложилась» у него «очень светло и стройно и, так сказать, художественно обобщилась»⁴. Нет сомнения, что этому много способствовало желание, не вступая в полемику с Лесковым, *преодолеть* его, перебить у читателей своим простым рассказом впечатление от его глумливых

¹ РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 1418. Л. 79 об. В конце фрагмента — измененная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

² ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 61. Л. 85 об.

³ РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 989 а. Л. 26 об.

⁴ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 61. Л. 206.

«Полунощников». Эту мысль очень хорошо понял Рачинский, неслучайно связавший имена двух писателей в своем ответном письме от 26 декабря 1891 г.:

Очень радуюсь тому, что статья Ваша об О. Иоанне сложилась и выяснилась в Вашем уме. Конечно — писание Лескова есть гадость, не заслуживающая внимания. Но у Лескова есть имя, и Вестник Европы распространен. Для чести русской литературы желательно, чтобы именно теперь этот грех был искуплен правдивым изображением личности, дорогой всей России¹.

Как видим, намерение передать очерк в рождественский номер «Нового времени» было давно оставлено, но и с наступлением нового года Щеглов не спешил приступить к работе над очерком. 13 января 1892 г. он объяснял Рачинскому: «С очерком об “отце Иоанне” не тороплюсь, ибо с такого рода сюжетом всякая торопливость и напряженность постыдна»².

В письме от 7 марта Щеглов называет «заветным» очерк, за который, вероятно, все еще не принимался³. Это письмо послано вдогонку Рачинскому, накануне уехавшему из Петербурга после недолгого гостения там. А в ночь на 7 марта Щеглов записал в дневнике «конспект» своей дружеской беседы с писателем и переводчиком Д. А. Коропчевским⁴, тоже почитателем татевского педагога, в которой звучали и «воспоминания о Рачинском», и воспоминания о кронштадтском батюшке: «3) О. Иоанн. (Ничем не истребить в человеке потребность религии!)»⁵.

Начать работу над очерком Щеглову мешали мечты о романе, задуманном еще в Оптиной пустыни в прошлом году. В дневнике за март 1892 г. среди набросков к роману «Возрождение Черепова» появляется запись, в которой упоминаются рядом о. Иоанн, Рачинский и известный харьковский врач и филантроп Владислав Андреевич Франковский (1819–1895):

¹ РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 989 а. Л. 30 об.

² ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 62. Л. 81.

³ Там же. Ед. хр. 63. Л. 19.

⁴ Щеглов писал его фамилию: Коробчевский.

⁵ РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 1418. Л. 97 об.

«4) *Переутомление* [от избыт<ка>] не плоти, а духа (о. Иоанн, Рачинский, доктор Франковский)»¹.

Фразу можно понимать так: все эти три лица поставили герою романа (и его автору) данный диагноз.

Видимо, работа над очерком была совершена в конце Великого поста. В Великий четверг, 2 апреля, Щеглов радостно сообщал Рачинскому о близости завершения своего «нравственного труда»:

Очерк: «У отца Иоанна Кронштадтского» почти окончен — почти — т. е. осталось несколько заключительных страничек, резюмирующих вопрос, а всё главное благополучно пройдено. Разумеется, предстоит еще некоторая отделка и переписка².

К сожалению, творческих рукописей этого произведения пока обнаружить не удалось, поэтому можно лишь предположить, что уже к апрелю сложилось произведение из пяти глав (последняя глава будет опубликована отдельно). Начинается очерк с рассказа о дороге в Кронштадт, переданы разговоры паломников на пароходе о случаях прозорливости о. Иоанна. Иронично (почти в духе Лескова) описана «интеллигенция», отправившаяся в Кронштадт (дама в «рембрандте»³ и др.). Далее в ярких красках, но без ёрничества обрисован «вольный бабий монастырь» (в «убежище» для паломников). Его хозяйку Устинью Михайлову⁴ Щеглов описал под именем Матрены Марковны Снегиревой⁵.

¹ Там же. Л. 145 об.

² ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 63. Л. 102.

³ Т. е. в большом берете à la Рембрандт.

⁴ Выше была приведена цитата из дневниковой записи с ее именем.

⁵ Позднее, в письме к Рачинскому от 18 января 1893 г., Щеглов расскажет о курьезном эпизоде: «...из Кронштадта я получил слезное умоляющее письмо от “верующей бабы” <Напомним, что это название одной из глав романа «Братья Карамазовы». — О. Ф.>, у которой я останавливался тогда, в котором она просит сообщить кр<онштадтскому> почтамту, что она есть *та* самая “г-жа Снегирева” (фамилия вымышлена в рассказе), описанная в очерке, ибо именно на имя “г-жи Снегиревой” из провинции шлетя много заказных и денежных писем. Нечего делать — пришлось покаяться почтамту в своем невольном авторском вымысле» (Там же. Ед. хр. 68. Л. 34 об.).

Следом повествуется об утрени и ранней обедне в Думской церкви. Поддавшись своей склонности к «фельетонизму», Щеглов слишком увлекся при этом деталями (например, много внимания уделил своему раздражению на толстого полковника, забравшегося на амвон и загордившего собой алтарь). Очеркист сообщает, что первым впечатлением от о. Иоанна было его необычное чтение (сохранилось много мемуарных свидетельств на эту тему). И только после этого рисуется облик пастыря: «Я вижу перед собой обыкновеннейшего сельского священника <...> с кроткими детски-светлыми глазами...» [Щеглов 1892: 162]. Во время чтения Евангелия за литургией повествователя поражает образ батюшки в залитом солнцем алтаре: «...вся его фигура <...> запечатлена была какой-то непередаваемой, прямо неземной светозарностью» [Щеглов 1892: 164]. Но автор еще как будто не замечает перед собой святого, после службы он испытывает сочувствие к о. Иоанну, теснимому «беспощадной» толпой.

В следующей главе описывается приезд батюшки в «убежище». И вот только здесь Щеглов видит о. Иоанна преображенным, говорящим с духовной властью: «...какая-то непередаваемо чудесная вдохновенность»; «...я вдруг понял его всего, во всем его героическом величии...» [Щеглов 1892: 177, 178]. Затем передано не содержание, а настроение во время беседы с чудотворцем, и лишь одна фраза (одна из тех, что была записана в дневнике): «Спасибо за доверие...» [Щеглов 1892: 178].

Одна из основных интенций очерка — желание разгадать секрет популярности и влияния о. Иоанна. И это, как полагает автор, «орлиные крылья <...> несокрушимой веры» [Щеглов 1892: 157]. «Секрет» батюшки — «в целомудренной неразрывности слова с делом» [Щеглов 1892: 157].

Если дату начала работы над произведением отыскать так и не удалось (по письмам к Рачинскому ясно лишь, что не позднее Благовещения, 25 марта)¹, то время окончания, благодаря дневнику, известно точно — это 4 апреля 1892 г.

«4 апр<еля>. Великая суббота. Благополучно закончил очерк: “У отца Иоанна Кронштадтского”. — Где-то суждено ему появиться??»²

¹ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 63. Л. 101 об.

² РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 1418. Л. 102 об.

Этот «роковой вопрос» Щеглов обсуждал с Рачинским в письме от 2 апреля:

И вот возникает в перспективе роковой вопрос (всякий раз для вещи *лишь* с православной окраской) — *где* поместить? Имеется в виду 1) «Русский Вестник» и 2) «Московские Ведомости» — и то, при особенных сторонних хлопотах. («Около Истины» прошла благодаря Страхову!) Право же, положение христианского писателя в русской литературной земле ничем не лучше, если не хуже, положения православных христиан в Турции. Мне даже сдается, что самому Правительству недурно было бы вникнуть в этот трагикомизм, преданных ему писателей!¹

13 апреля Рачинский отвечал:

Радуюсь тому, что Ваш этюд об О. Иоанне приходит к окончанию. Что касается до журнала, в коем предстоит ему явиться, то, конечно, всего охотнее напечатали бы его Московские Ведомости. Но если Страхов устроит помещение его в Русском Вестнике, то это будет еще лучше. В журнале он может быть помещен зараз и будет прочтен внимательнее, чем в газете².

Щеглов тоже предпочитал «Русский вестник», но предвидел отказ редактора, Ф. Н. Берга, о чем и писал Рачинскому 27 апреля:

Очерк «У о. Иоанна Кронштадтского» закончен, отделан и в настоящее время переписывается на машинке Ремингтона, чтобы на днях поступить на рассмотрение Ф. Н. Берга. Но вот тут-то главная загвоздка! — Я предварительно, так сказать, «принципиально позондировал» Берга и — о, ужас, что же оказывается? Он считает О. Иоанна (даже вымолвить страшно!)... не то медиумом, не то фокусником популярности и, во всяком случае, явно негодует на его «неиерархичность», т. е. на высокие, всенародные знаки почтения, оказываемые ему предпочтительно... перед архиереями (??). Господи, дорогой мой, неужели Вы только знали, как иногда тяжело приходится мало-мальски чуткому писателю среди этой всей путаницы и пошлой узкости понятий! Ежели мне удастся убедить Ф<едора> Н<икола-

¹ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 63. Л. 102.

² РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 989а. Л. 100 об. – 101.

евича> — то прямо будет победа Давида над Голиафом! — Надеюсь, впрочем, на поддержку Н. Н. Страхова, очень заинтересовавшегося портретом О. Иоанна. — (В Моск<овских> Ведом<остях> у меня нет протэкции, а без протэкции и т. д.)¹.

В ответ на этот рассказ Рачинский вздохнет в письме от 3 мая:

То, что Вы пишете о воззрениях Берга на О. Иоанна, подает мало надежды на помещение Вашей статьи в «Русском Вестнике». Полагаю, что удобнее обратиться к «Московским Ведомостям»².

Но Щеглов не рискнет действовать без «протекции» и предложит очерк А. Ф. Марксу. Он будет опубликован в «Сборнике “Нивы” за октябрь 1892 г.» (СПб., 1892. С. 144–185), в ноябре в виде брошюры выйдет и отдельный оттиск (цензурное разрешение дано 6 ноября).

Обратимся вновь к дневнику писателя. 5 октября в нем была сделана следующая запись: «Получил Октябрь 92 “Нивы” с моим очерком: “У о. Иоанна”... и просидел весь день чуть не больной: Подлец Маркс самовольно сделал десяток неудачных и неуместных сокращений в тексте! — В суд бы за это следовало тащить!!... Теплое письмо от Меньшикова — слегка утешило»³.

Письмо М. О. Меньшикова сохранилось в архиве Щеглова. Объем журнальной публикации не позволяет привести его целиком, как оно того заслуживает по затронутым в нем вопросам и исповедальности интонации. Протицируем лишь фрагмент, непосредственно относящийся к теме статьи, передавая подчеркивания, сделанные Щегловым в рукописи:

Очень интересный, очень прочувствованный и сильный очерк вышел у Вас, дорогой И<ван> Л<еонтьевич>, об отце Иоанне. Прочел я его залпом и минутами ощущал подъем сердца. Понравился очерк и Гайдебурову⁴,

¹ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 63. Л. 162 об. – 163.

² РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 989 а. Л. 104–104 об.

³ Там же. 1420. Л. 7

⁴ Речь идет о П. А. Гайдебурове (1841–1893), редакторе-издателе журнала «Неделя».

который сожалеет, что Вы отдали его не в «Неделю». Ну и мужественный же Вы человек! Теперь, после громкого исповедания своей веры, когда Вы разорвали решительно с либеральным миром, миром гуманным, но не верующим, Вам остается укрепиться на Вашей почве и работать, работать! Счастливый, истинно счастливый Вы человек, раз веруете в Бога, — Вы способны на великие дела¹.

Очень быстро, 15 октября, на появление очерка откликнулся Рачинский:

С живейшим интересом прочел я в приложениях к *Ниве* рассказ Ваш об О. Иоанне. Всё, что Вы говорите о нем, в высшей степени искренно и живо; и образ несравненного пастыря отчетливо рисуется перед глазами читателя. Жанровая обстановка центральной фигуры, конечно, столь же верна действительности, но нахожу ее немного громоздкою, и в ней есть одна фальшивая нотка. Это — бурсацкий анекдот о глупом архиерее и шустром семинаристе². Анекдот этот в Вашем рассказе неуместен, ибо чудо, придуманное архиереем, бессмысленно, и выдумка его прямо напрашивается на глумление (ведь это, буквально, то самое чудо, которое отказался совершить Христос, искушаемый диаволом)... Но всё это — мелочи. Очень, очень Вам благодарен за посвящение Вашего рассказа. Слышу ему похвалы с разных сторон — ибо подписчики Нивы — бесчисленны, и рассказ Ваш никогда бы не имел такого распространения, если бы появился в одном из наших толстых журналов³.

¹ Там же. 912. Л. 11. Подчеркивания сделаны Щегловым карандашом. Далее автор письма говорит о своих собственных религиозных исканиях и сомнениях.

² Архиерей, пытаясь втолковать экзаменуемому семинаристу, что такое чудо, предлагает: «...представь ты себе, что я, архиерей, взшел на вашу соборную колокольню, да, оступившись, полетел вниз головой, — и вдруг жив остался». И так — три раза. Семинарист отвечает: случай, счастье, привычка. Этот анекдот рассказывает в конце первой главы один из кронштадтских купцов [Щеглов 1892: 151]. Прислушавшись к совету Рачинского, во втором издании Щеглов сократил эпизод [Щеглов 1894б: 18].

³ РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 989 а. Л. 127–127 об. Подчеркнуто Щегловым.

Следующий эпистолярный отклик, который удалось обнаружить в архиве Щеглова, принадлежит его другу В. П. Горленко. Сначала 25 октября 1892 г. тот писал, что интересуется очерком, но не может найти сборника «Нивы»: «Проклятый Маркс, какое возмутительное животное!»¹. В письме же от 16 ноября последовал и отзыв о прочитанном:

Только что прочел ваш очерк об Иоанне Кроншт<адтском>. (Книжку мне прислали из Киева мои, котор<ые> уехали туда в субботу). С момента появления на сцене Иоанна очерк мне очень нравится (раньше похоже на Лескова — а далее совсем ваше). Искренности всего, мне кажется, невозможно не почувствовать читающему, и, конечно, Иоанна — очерк этот объясняет. Но толпу? — Кажется? не совсем, да и как ее понять? Я лично всякую толпу ненавижу и боюсь. — А это страстное чувство, котор<ое> влечет эту толпу к светлomu и любвеобильному человеку — не во многом ли оно обязано невыносимости, нелепости и всякой безобразности русской жизни, среди которой буквально иногда нет сил жить! Для меня во многом оно происходит от этого. — Еще простите мою ересь и не проклянете меня — *думаю, что вера есть часто сделка чувства с рассудком.* Я сам — человек чувства — «но Боже! И вере — могила темна!»² Религию сердца исповедываю и я, да и вы, дорогой мой, не исповедываете иной, как себе хотите! Она — и в Иоанне, и в идеях Поспелова³, и в любви к мебелированной горничной, и в ореоле умирающей жены Толстовца, и в единодушном со мною восторге перед Кипплингом, и слезами над его бедным, не нашедшим, где поместить свое золотое сердце героем — всё одна она! Этого не поймут поверхностные зрители, но смею думать, что понимаю я и не ошибаюсь! — Но на эту тему *необходима длинная, личная беседа.*

Подробности рассказа (в Кронштадте) хороши. Вы всегда требуетековую правду и таковую по мере разумения я высказываю. Повторяю, что подробности мне нравятся, но, может быть, придирчивый критик спросил бы: как автор, при такой сильной и искренней (уж потому, что передается и читателю) душевной эмоции мог тогда все это заметить? Ставлю только

¹ Там же. 769 (2). Л. 47 об.

² Цитата из стихотворения А. В. Кольцова «Молитва».

³ Имеется в виду герой первого рассказа Щеглова — «Поручик Поспелов». Далее следуют аллюзии на другие его произведения, в том числе на повесть «Около истины».

вопрос в видах будущего¹ издания очерка в книге. Не надо ли местами стусшевать детали, чтоб главное более выступало?

Заключение: *Je défie*² сказать мне, многие ли из современных писателей способны написать вещь с таким искренним чувством? — А в этом самая большая похвала³.

Подобные отклики были для автора очерка тем ценнее, что других, печатных, ожидаемых им, не появлялось. 18 января 1893 г. Щеглов писал об этом Рачинскому:

Мой очерк «У О. Иоанна» имел совсем особенный успех, что вывожу из доходящих до меня писем и слухов (отнюдь не газет, где об нем ни словом не обмолвились!). Между прочим, в Сибири, в Томске, архиерей читал извлечение из него в публичном собрании⁴.

Еще в конце 1892 г. Щеглов познакомился, съездив в Москву, с новой редакцией журнала «Русское обозрение», в которую входили ученики и последователи К. Н. Леонтьева (редактором был А. А. Александров, его ближайшим помощником — свящ. Иосиф Иванович Фудель). Щеглов и многие его приятели стали сотрудниками этого издания, и

¹ Вписано над зачеркнутым: отдельного.

² Я бросаю вызов (фр.).

³ Там же. Л. 55 об. – 56 об. Текст отчеркнут Щегловым красным карандашом сверху, справа и внизу, подчеркивания сделаны простым карандашом. В последующих письмах Горленко о. Иоанн упоминается еще как минимум два раза. Приведем один из этих фрагментов — из письма от 22 апреля 1893 г.: «При мне в Киев приезжал Иоанн Кронштадтский. Его приезд переполошил весь город сверху донизу. За ним гонялись где только можно, ждали его по целым суткам там, где предполагалось, что он будет (ждал много часов и я — но не увидел его). Об этом удивительном человеке рассказывают массу легенд, из кот<орых> многие сложились теперь в Киеве. Духовенство киевское утопило бы его, так его личность становится ему поперек горла. Успех Иоанна — даже не успех христианства, а чего-то иного: высшего милосердия, любви. Но можно ли говорить об Иоан<н>е в нескольких строках. А говорить иначе — мне бы пришлось писать не письмо, а целую тетрадь. (Там же. 769 (3). Л. 19; подчеркивания сделаны Щегловым).

⁴ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 68. Л. 34 об.

в нем была позднее (летом 1894 г.) помещена пропущенная в сборнике «Нивы» пятая глава его очерка об о. Иоанне [Щеглов 1894а]. За год до того писатель, задумавший переиздание этого произведения, отдал первую публикацию на прочтение о. Иосифу, который и ответил подробным письмом 14 июня 1893 г. Оно уже было опубликовано нами, но его содержание столь важно, что не лишним будет привести текст целиком и здесь.

†

Многоуважаемый
Иван Леонтьевич!

Просьбу Вашу я исполнил. Как исполнил? Не могу судить. Этого ли Вы хотели, что я сделал, или чего-нибудь иного? Рассказ Ваш перечитал вторично с большим удовольствием. Написал на полях несколько мелких замечаний, но самое главное замечание оставил про себя, чтобы здесь в письме откровенно высказать его Вам. Весь рассказ Ваш есть прекрасное, живое описание *внешних* впечатлений Ваших в Кронштадте в течение суток. Было ли целью Вашею именно это одно, или же Вы хотели представить и живой портрет самого о. Иоанна с объяснением его необычайной силы? Думаю, что и это последнее также входило в Ваши расчеты, когда Вы писали рассказ. Но, к сожалению, портрет о. Иоанна вышел неполным. Вы, например, очень мало обрисовали о. Иоанна за богослужением; его всё время в вашем рассказе заслоняют посторонние лица, а между тем именно во время литургии о. Иоанн доходит до высшей степени напряжения своей духовной силы¹. И какое страшное впечатление производит он своей «дерзновенной» молитвой, своей требовательностью в обращении к Богу! Между тем она естественна, как и всё у о. Иоанна. Сила его молитвы есть результат силы его веры и любви к Богу. На это последнее надо обратить внимание. У нас всё говорят теперь о любви к ближним. И Вы сами, пытаетесь объяснить силу о. Иоанна, прежде всего остановились на его любви к ближним (стр. 157–158). Но ведь эта его любовь есть только результат его любви к Богу. Точно также Вы на стр. 178 указываете на его фанатическое

¹ О. Иосиф знал, о чем говорил, поскольку в 1892 г. ему самому довелось сослужить о. Иоанну в Леснинском монастыре. См.: [Обрученный Церквы: 378].

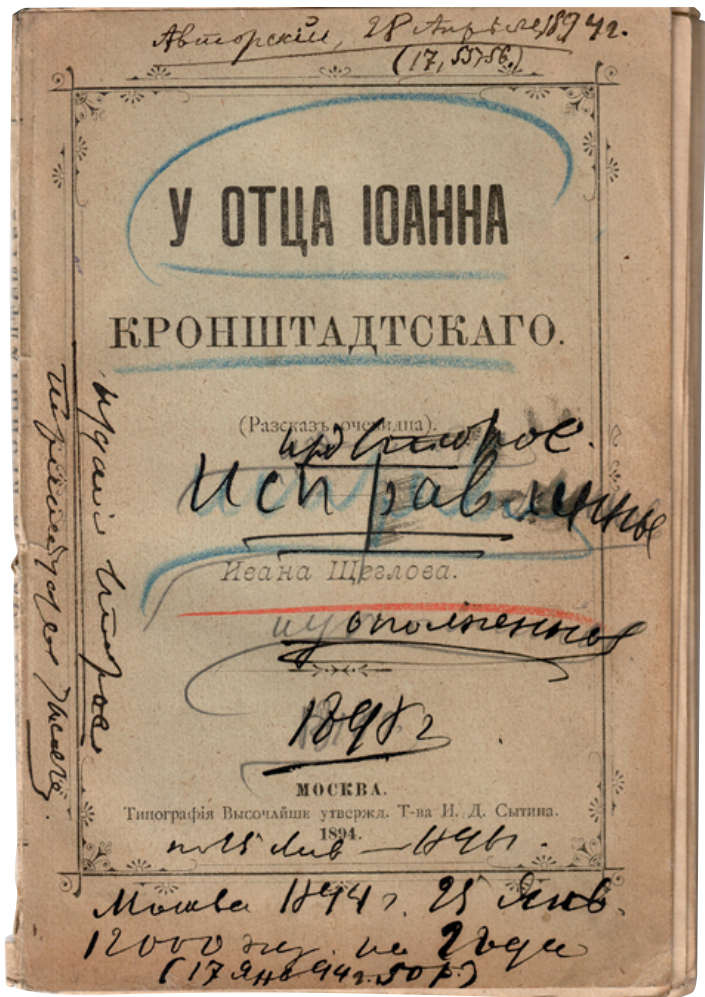
бесстрашие¹. И эта черта одна сама по себе нимало не объясняет о. Иоанна. Мало ли было людей милосердных или бесстрашных среди еретиков или совсем неверующих! И бесстрашие о. Иоанна, и его удивительное милосердие и нестяжательность, и его кротость, и его особенная интонация во время молитвы, и глубокое самоотречение — всё это имеет один источник — его пламенную, не знающую пределов *любовь к Богу*. Эта любовь прилепляет его ко Христу и делает его жизнь — жизнью во Христе, а жизнь во Христе делает его избранным сосудом благодати Божией; отсюда его чудеса, прозорливость и т. д.

Всё это ясно из дневника о. Иоанна. Вот почему Вам следовало бы прочитать 2 тома «Моя жизнь во Христе»² и подобрать для рассказа всё то, что характеризует о. Иоанна. Это необходимо, чтобы сделать эту личность для читателей понятной. И тем более это надо, что, ведь, кажется, Вы готовите к печати сборник трех рассказов....³ (Тенденция: «между тьмой и

¹ Имеется в виду следующее описание: «Я понял глубоко и неопровержимо одно: если бы этому человеку сейчас сказали, что, по окончании общего молебна <...> он осужден врагами веры к сожжению на костре, — он бы отслужил молебен, как ни в чем не бывало, и, не моргнув глазом, так же смело и просто взошел бы на костер, как вошел сейчас в мою комнату...» [Щеглов 1892: 178].

² Во второй главе своего очерка Щеглов приводил несколько цитат из дневника о. Иоанна, но не по отдельному изданию, а по журналу «Русский паломник», и так писал об этих текстах: «...эти беглые, нервные, местами недоговоренные или растянутые строки, сверкающие там и здесь, как драгоценными перлами, проникновенными мыслями, блестящими поэзии и духовными озарениями, производят на вас впечатление огромное и неотразимое» [Щеглов 1892: 159]. Кстати, Меньшиков в цитированном выше письме к Щеглову замечал: «Я читал дневник о. Иоанна отрывками в самом Паломнике, сочувствую, но не понимаю» (РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 912. Л. 12).

³ В 1894 г. выйдет в свет издание: *Щеглов И. Убыль души. Около истины*. СПб., 1894. В дневнике встречаются записи, свидетельствующие об осведомленности свящ. Фуделя: Щеглов, действительно, одно время намеревался превратить эту своего рода дилогию в трилогию, увенчав ее очерком об о. Иоанне (выстраивалась бы явная отсылка к «Божественной комедии» или замыслу Гоголя). 19 июля 1893 г. он писал Рачинскому: «...меня очень заботит издание предположенной книги, для коего все три повести заново пересматриваю, а пов-сть» «Около истины» очень тщательно поправляю и сопровождаю предисловием “решительно необходимым и строго пере-думаным”. К очерку “О. Иоанн” будет присоединена “последняя глава”,

Обложка второго издания брошюры И. Щеглова (И. Л. Леонтьева)
“У отца Иоанна Кронштадтского” с пометами автора.
Библиотека Пушкинского Дома. Публикуется впервые

почему-то выкинутая редактором “Нивы”. (Защита о. Иоанна, по *всем* вздорным, но многочисленным пунктам обвинения, на которые столь ще-
дры наши интеллигенты. <...>» (ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 71. Л. 77 об.).

светом»).... Не любовь к себе, не любовь к людям (сама по себе), а любовь к Единому Вечному Богу.

Посылаю Вам мою библиографическую заметку¹; выдержки из дневника о. Иоанна пригодятся Вам.

Жму крепко Вашу руку и прошу не забывать

любящего Вас
Свящ<енника> Иосифа Фудель.

14-го июня 93 г.

[Обрученный Церкви: 115–116]

Несмотря на сокрушение Щеглова в октябре 1893 г. о пропусках, сделанных в сборнике «Нивы», второе издание, выпущенное Товариществом И. Д. Сытина в 1894 г., почти дословно, с самыми незначительными изменениями, повторит предыдущее. На обложке сохранившегося в библиотеке Пушкинского Дома авторского экземпляра брошюры 1894 г. среди других помет Леонтьева-Щеглова есть важная для нас: «изд<ание> второе. Исправленное и дополненное».

Однако в этом издании дополнений нет, помета лишь служит подтверждением того, что автор собирался в дальнейшем учесть советы о. Иосифа Фуделя, а также включить в «дополненное издание» пропущенную в обеих брошюрах заключительную, пятую, главу.

В «Русском обозрении» выход второго издания был отмечен рецензией Л. А. Тихомирова [Тихомиров: 877–878] за подписью «Л. Т.», и в том же номере будет помещена пятая глава очерка, написанная, судя по упоминанию о посещении Оптиной пустыни «нынешним летом», раньше остальных, еще в 1891 г.

Чудо совершил он и в удрученной душе моей, и, ежели бы от меня непременно потребовали назвать мое настоящее ощущение, я бы сказал, что это было ощущение какой-то необъяснимой душевной прозрачности, какой-то так сказать, детски счастливой легкости в настроении моего внутреннего мира. Подыскивая подходящее сравнение, я

¹ Речь идет о рецензии: <Фудель И. И., свящ.> *Моя жизнь во Христе*, Извлечение из дневника протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского). Издание третье, в двух томах. Москва. 1892 // Русское обозрение. 1892. Сентябрь. С. 443–447. О ее содержании см.: [Обрученный Церкви: 379].

мог только приравнять это чувство к таковому же необыкновенному и неуловимому впечатлению, вынесенному мной нынешним летом из Оптиной Пустыни, при посещении известного *старца Амвросия*... [Щеглов 1894а: 769].

Щеглов по-прежнему не оставлял мысли об автобиографическом романе, куда могли бы войти впечатления его путешествия 1891 г. В нем он хотел «высказать взгляд на царя, Россию, религию, на кряжевые основы, на суеверие прогресса, на Л. Толстого» [Фетисенко 2012: 687]. Этот замысел неоднократно менял названия и в вариантах 1894 г. именовался «Ниса» (уменьшительное от Анисии, имени жены Щеглова). В это произведение, как явствует из набросков в дневнике, служившем и рабочей тетрадью, должна была войти глава о кронштадтском батюшке.

Вот несколько обнаруженных нами записей, свидетельствующих об этом:

«10. Поехала к отцу Иоанну за благословением. Письмо (совсем Сафо!) — не пара, жизнь испорчу!!.»¹

«28. Глава об отце Иоанне. Избыток нервов, современен»².

«30. Появление отца Иоанна (Серафим?) на улицах Петербурга. Кающаяся Магдалина на улице Петербурга»³.

Эта «кающаяся Магдалина» (в набросках ее зовут Иммой) бросается к карете с воплем:

«[Оте<ц>] Батюшка! Отец Иоанн! Ради Бога!!»⁴.

К сожалению, замысел остался нереализованным: Щеглов продолжал трудиться в «малых жанрах», дающих более надежный заработок. В заключение отметим, что образ св. Иоанна Кронштадтского появляется на страницах его дневника далеко не только в связи с творческими замыслами. Так, в записи от 10 июня 1892 г. Щеглов называет чтимого московского протоиерея Валентина Амфитеатрова копией о. Иоанна Кронштадтского:

«10. Церковь Константина и Елены под Спасскими воротами. О. Валентин — московская лубочная копия с о. Иоанна Кронштад<т>ского.

¹ ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева. 1419. Ч. 1. Л. 83 об.

² Там же. Л. 84 об.

³ Там же. Л. 85

⁴ Там же. Л. 86 об.

Благодаря искренности — производит впечатление. («Радость благодатная возсия!!<”>»)¹

Наиболее интересна в этом отношении запись от 27 мая 1893 г., передающая знаменательный сон о Батюшке и его «духовной трапезе» (евхаристии).

27-го мая, четверг. Обыкновенно забываю сны, но в ночь на 27-е мая видел сон, оставивший на меня глубокое впечатление. Вижу, будто я в просторном, светлом храме, вроде соборного храма Боголюбова Монастыря. Обедня кончилась², и с Амвона... «о. Иоанн Кронштадтский» благословляет народ. Все к нему тянутся, простирая руки, в том числе и я, и вдруг отец Иоанн, вместо того, чтобы меня благословить, поцеловал мне руку (при этом все присутствующие почтительно-недоумевающе меня оглянули), затем взял меня под руку, провел через алтарь, и я увидел себя на широкой поляне, окруженной зеленым, зеленым лесом, а посередине поляны общая трапеза, в два длинных стола, покрытых белоснежной скатертью, и за столом трапезники — старики и нищие в светлых одеждах. «Нравится тебе здесь?» — спрашивает о. Иоанн. А я смутился и отвечаю: «По нашему климату неудобно здесь всегда иметь трапезу!» А о. Иоанн молча, но зорко укоризненно посмотрел на меня, и я понял, что он спрашивал о «духовной трапезе». —

И сейчас же я проснулся, сильно взволнованный. Смотрю — 5 часов утра. Наскоро записал сон, хотя, всё равно, такого сна, по какому-то особому глубокому впечатлению, никогда не забыть³.

Боголюбов монастырь привиделся писателю не случайно: Щеглов побывал там незадолго до этого чудесного сновидения. Вот что говорилось о впечатлениях от обители в дневниковой записи от 16–17 мая:

Общее впечатление «мягкое» — простоты и беспретенциозности, хороший чисто русский уголок: и мирно, и на людях.

Здесь всё таким миром объято,

Так просто, уютно, светло —

¹ Там же. 1418. Л. 105 об.

² В автографе: кончился.

³ Там же. 1420. Л. 33–33 об.

Как будто я был здесь *когда-то*...
И *кто-то* мне шепчет как брату:
«От гнета скорбей и разврата
Не здесь ли тебе суждено
Найти *примиренье* твое?!»¹

¹ Там же. Л. 31.

Список литературы

Источники

Глинский Б. Б. И. Л. Леонтьев-Щеглов и М. Н. Альбов // Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых: Биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1914. С. 145–167.

Дризен Н. В. Памяти незлобивого поэта // Ежегодник Императорских театров. 1912. № 3. С. 46–59.

Измайлов А. <А.> Трагедия тоскующего юмориста // Щеглов И. Народ и театр. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1912. С. III–XXII.

Л. Т. <Тихомиров Л. А.> Иван Щеглов. У отца Иоанна Кронштадтского (рассказ очевидца). Москва. Типография И. Д. Сытина. 1894 г. // Русское обозрение. 1894. Т. 27. Июнь. С. 877–878.

Леонтьев И. Л. Дневник // РО ИРЛИ. 1418; 1419. Ч. 1. 1420.

Меньшиков М. О. Письма к ближним. Несильные // Новое время. 1911. 19 июня. № 12667. С. 4.

Обрученный Церкви. Протоиерей Иосиф Фудель: Жизнеописание. Воспоминания. Письма К. Н. Леонтьеву / вступ. ст., подгот. текста Н. В. Винюковой; сост., подгот. текста, коммент. О. Л. Фетисенко. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. 432 с.

Щеглов И. <Леонтьев И. Л.> В защиту отца Иоанна (Выпущенная заключительная глава из очерка «У о. Иоанна Кронштадтского») // Русское обозрение. 1894. Т. 27. Июнь. С. 761–770.

Щеглов И. <Леонтьев И. Л.> У отца Иоанна Кронштадтского. Отд. отт. из Сборника «Нивы» за октябрь 1892 г. СПб., 1892. <47 с.>; 2-е изд. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1894. 89 с.

Исследования

Битюгова И. А. И. Л. Леонтьев-Щеглов и Ф. М. Достоевский // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1994. Т. 11. С. 271–290.

Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1989. 261 с.

Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский дом, 2012. 784 с.

Фетисенко О. Л. Достоевский в «оптинском» дневнике И. Л. Леонтьева-Щеглова // Достоевский и мировая культура. Альманах № 32. СПб.: Серебряный век, 2014. С. 133–142.

Фетисенко О. Л. Паломничество на Успенский остров в 1886 г. (Неизвестное письмо Т. И. Филиппова) // София. 2009. № 1. С. 20–23.

References

Bitiugova, I. A. “I. L. Leontiev-Shcheglov i F. M. Dostoevskii” [“I. L. Leontiev-Shcheglov and F. M. Dostoevsky”]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Studies*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, vol. 11, pp. 271–290. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “*Geptastylisty*”: *Konstantin Leontiev, ego sobesedniki i ucheniki* [“*Heptastylists*”: *Konstantin Leontyev, His Interlocutors and Disciples*]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 784 p. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Dostoevsky v ‘optinskom’ dnevnike I. L. Leontieva-Shcheglova” [“Dostoevsky in I. L. Shcheglov’s ‘Optina’ Diary”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura* [*Dostoevsky and World Culture*]. St. Petersburg, 2014, alm. 32, pp. 133–142. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Palomnichestvo na Uspensky ostrov v 1886 godu (Neizvestnoie pis’mo T. I. Filippova)” [“Pilgrimage to Uspensky Island in 1886 (Unknown Letter from T. I. Filippov)”]. *Sophia*, no. 1, 2009, pp. 20–23. (In Russ.)

Kataev, V. B. *Literaturnye sviazi Chekhova* [*Literary Relations of Chekhov*]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1989. 261 p. (In Russ.)